

Анатолий Контуш

Тени

Тени окружают меня прямо у начала дороги.

Автобус взвывает двигателем, разворачивается и исчезает в пустоте улицы Амундсена.

Я вздыхаю, поворачиваюсь спиной к одинокому фонарю и шагаю в темноту.

Последние пассажиры быстро исчезают во тьме возле закрытого на ночь магазина, и тени тут же появляются невдалеке.

Постепенно расширяясь, дорога спускается вниз. Справа темнеет овраг, слева поднимается склон, над головой висят звезды, а впереди, над черными садами, угадывается море. Здесь просто, и тени пока не решаются подойти близко, прячась в придорожной траве.

Дорога упирается в обрыв и уходит влево, а я беру правее, перехожу овраг по гулкому мостику и осторожно схожу вниз по шаткой деревянной лестнице. Лампа на высокой стене освещает закрытую дверь, надпись «Посторонним вход на причал строго воспрещен» и несколько квадратных метров дороги. Я спрыгиваю с последней ступеньки, минуя лампу и тут же вижу четкую тень прямо под ногами. Я отскакиваю в сторону, чуть не вскрикнув, но когда замечаю, что тень следует за мной, повторяя все движения, то с облегчением выдыхаю: это же моя собственная!

Дорога исчезает вдаль, вытянувшись между дачами и причалом, и я перевожу дыхание, оглядываюсь и шагаю дальше. Здесь совсем темно; звезд не видно за густыми деревьями, фонарей больше нет, и я едва различаю землю под ногами. Тени подбираются ближе, обступают со всех сторон, тянутся, пляшут в странном танце. Я опускаю голову, стараясь не смотреть на них, но они

не отстают, раззадоренные своей пляской; одна, самая дерзкая, царапает меня за руку придорожной веткой, а когда я наконец замедляю шаг, чтобы посмотреть, кто это, быстро прячется у обочины. Я смотрю ей вслед и замираю на месте: там, в глубине кустов, стоит пожилой доктор из детской поликлиники на Подбельского, которого я боялся больше всего на свете, когда ходил в детский сад. В руках у доктора какой-то металлический инструмент, который тускло блестит под луной, а немного дальше, среди ветвей, блики света дрожат на чем-то непонятном и остром, похожем на лежащий на столе шприц. Доктор делает шаг мне навстречу, всматривается в лицо и медленно поднимает руку с инструментом. Я отпрыгиваю, разворачиваюсь и стремглав бегу к неровному пятну света возле далекого фонаря.

Поравнявшись с фонарем, я прихожу в себя, сбрасываю скорость и решаю оглянуться. Вокруг ни души: наверное, доктор поленился бежать за мной в такое позднее время, и я успокаиваюсь, поправляю ремешок и иду дальше.

Вскоре дорога раздваивается; я поворачиваю налево и оказываюсь перед огромным деревом с ветвями до самой земли, которое закрывает чуть ли не все пространство. Я останавливаюсь, вглядываюсь в густую листву и вижу, как из-за широкого ствола выходит Быка. Он иногда приходит к нашей школе, прячется за углом и ждет, когда мы, младшеклассники, выйдем на улицу после уроков. Быка выше нас на две головы и старше на три года, и мы сразу замолкаем, сбиваемся в кучу и отдаем ему сэкономленные на завтраке копеечки – кто 5, кто 10, а кто даже 20: целое состояние, на которое, если добавить всего 2 копейки, можно купить «Ленинградское» мороженое на палочке в настоящем шоколаде. Школа – это совсем другая жизнь, но я не удивляюсь, увидев его здесь; Быка тихо выходит из ветвей, поднимает голову и пристально смотрит мне в глаза. Его лица не видно среди листьев, но я точно знаю, что он смотрит на меня, и поэтому поворачиваюсь так быстро, как только могу, поскальзываюсь на гравии, падаю, вскакиваю и бегу вперед изо всех сил.

У треугольной развилки путь мне преграждает большая лужа, растянувшаяся от края до края дороги. Я с разбега перепрыгиваю через лужу, пробегаю еще метров тридцать и останавливаюсь,

потому что знаю: за следующим поворотом меня ждет эта безобразная старуха с Островидова. Я не понимаю, как она попадает сюда, но каждый раз, когда я прохожу здесь в темноте, она сидит у калитки на маленьком стуле, и ее седые волосы торчат во все стороны ужасными мохнатыми космами. Завидев меня, она страшно улыбается, наклоняется вперед и пытается встать; она похожа на смерть, не ту, с косою, которую рисуют в книжках и которой на самом деле нет, а настоящую, ту, которая есть, – я это понял на углу Подбельского и Петра Великого, когда мне было семь лет и я вышел на улицу в первый раз после полуторамесячной болезни. Опираясь на толстую палку, старуха пытается встать каждый раз, как видит меня, но удается ли ей это сделать, я не знаю, потому что, увидев ее, тут же закрываю глаза и мчусь вперед по дороге.

Я бегу.

Тени гонятся за мной.

«Вот почему эту улицу над теплым морем назвали именем полярного исследователя, – думаю я на ходу. – Ему, конечно, тоже было страшно в его путешествиях на Северный полюс, но он не боялся. И я не буду».

Я замедляю ход, осматриваюсь и вытираю лоб.

Никого нет.

Я один в этом царстве теней.

Стрекочут цикады, шумит море, издали доносится музыка.

«А может, эти тени совсем не страшные, – говорю я себе. – Может, они добрые, а пугают меня просто от скуки». Пока меня нет, они, наверное, в ожидании сидят под черными густыми деревьями, играют в карты, жмурки или лото, а потом, когда я пройду, уходят к себе в темноту и дремлют, дожидаясь следующего прохожего. Наверное, им скучно, как нам с Людой, когда родители уезжают в город на целый день, и мы остаемся до вечера с бабушкой и дедушкой. В саду жарко, на море без старших нельзя, и мы раскладываем на столе игры, ловим кузнечиков и строим запруды, пока наконец не зашуршат листья внизу, не зазвучат шаги, и знакомый голос не произнесет весело: «Ну, добрый вечер!».

В этот момент на дорогу откуда-то сбоку выскакивает огромная черная собака и с рычанием несется прямо ко мне. Я отскакиваю в кусты, срываю с плеча сумку и кричу страшным голо-

сом, размахивая сумкой перед собой; от неожиданности собака шарахается в сторону и исчезает так же быстро, как появилась. Осмотревшись, я выхожу из кустов и двигаюсь дальше. Внезапно справа от дороги, чуть впереди меня, у обочины раздается какой-то шорох. Он очень похож на звук приближающихся шагов, и я застываю на месте, вслушиваясь, и вижу, как среди черных веток возникает тень огромного дядьки ростом не меньше футбольных ворот. «Здравствуй, мальчик, – говорит дядька ласково. – Ты знаешь, твоя мама послала меня проводить тебя домой. Она беспокоится, что ты один, а сейчас ночь: мало ли что может случиться с маленьким мальчиком ночью на темной дороге». Я не отвечаю, мне почему-то не удается открыть рот и хоть что-то произнести. «Ты любишь конфеты? – спрашивает дядька, улыбаясь. – У меня дома очень много конфет. Идем, я тебе дам». И он делает шаг в мою сторону, пытаюсь взять меня за руку. Я вздрагиваю, как будто меня ударило током из дедушкиного трансформатора, когда мне было четыре года и я сидел на полу перед столом с разобранным на части радиоприемником; я вздрагиваю, отдергиваю руку и убегаю в ночь, успев только выкрикнуть: «Я не верю вам, дядя!».

Дорога поворачивает вправо, потом сразу влево; я перехожу на шаг, спускаюсь немного ниже, туда, где ветви деревьев смыкаются над головой, закрывая небо, и вдруг оказываюсь в полной темноте.

Свет далеких фонарей, свет редких окон и свет тусклых звезд исчезают одновременно, выключенные одним выключателем. Вокруг не остается ничего, кроме прикосновений, звуков и запахов.

Шорох ветра, шелест листьев, плеск волн.

Теплая нежность воздуха, душистый аромат жасмина, легкий запах моря.

Грустная мелодия Шопена, бравурный ритм Брамса, голос, похожий на папин.

Я оглядываюсь по сторонам и вдруг понимаю, что здесь не страшно, потому что здесь нет теней.

Дороги больше не видно, и я не знаю, куда иду, но меня это больше не беспокоит.

Неизвестно какое время спустя я замечаю, что где-то далеко на краю темноты возникает тусклый огонек. Постепенно разгораясь, он освещает старый стол, деревянные скамейки, летнюю кухню, утопанные дорожки, самодельную лестницу, заросший сад, пыльную дорогу, безлюдные причалы, узкий пляж, темные дачи и черное море.

Я сворачиваю с дороги, поднимаюсь по ступенькам и подхожу к дому.

– Бабушка! – кричу я. – Бабушка! Это я!

И бабушка открывает мне дверь.

Одесса, 1970 г. – Париж, 2012 г.

